

УДК 930.85

Панин А.С.¹

**КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ
И РАЗВИТИЕ ФАРМАКОПЕИ В XVIII ВЕКЕ²**

Тульский историко-архитектурный музей

Panin A.S.

**EVERYDAY CULTURE AND DEVELOPMENT PHARMACOPOEIA
IN THE XVIII CENTURY**

Tula Historical and Architectural Museum

Реферат. Автор рассматривает развитие фармакопеи в России в XVIII веке, анализируя одну из фармакопедий данной эпохи. Этот анализ позволяет лучше понять некоторые особенности культуры повседневности провинциальной России в первой четверти XVIII века.

Ключевые слова: Культура повседневности, фармакопея, фармакопедия, «книжная» и традиционная культуры.

Abstract. The author studies the development of pharmacopoeia in Russia in the XVIII century, analyzing one of farmakopedy this era. This analysis allows us to better understand some of the features of everyday culture of provincial Russia in the first quarter of XVIII century.

Keywords: Culture of everyday life, Pharmacopoeia, Pfarmakopedy, a «Books» culture and the traditional culture.

Особенности российской культуры повседневности XVIII века нашли своё отражение в развитии отечественной фармакопеи этого же периода. История фармакопеи имеет свою непростую историю. Это искусство прошло долгий путь, от первых опытов с «зельеварением» — «фармакопея» в переводе с греческого приготовление ядов или зелий — до

---

¹ Панин Алексей Станиславович — канд. ист. наук, зав. отделом «Тульский некрополь» МУК «ТИ-АМ» (Тульский историко-архитектурный музей).

² Материалы научной конференции «Культура и быт русской провинции второй половины XVIII в. — первой половины XIX в. на примере Тульской губернии». г. Тула, 30 мая 2015 г.

производства лекарств в промышленных масштабах. Далеко не сразу процесс приготовления зелий перешёл в руки квалифицированных специалистов. Долгое время изготовить лекарство на дому мог практически каждый, доверяя впрочем, не вполне понятный процесс превращения одного в другое всевозможным травникам, колдунам и ведьмам. Ведьмы — те, кто обладали неоднозначными знаниями и умениями, специалисты по «народной медицине» — имели непосредственное отношение к «зельеварению» в Средневековой Европе, и только «охота на ведьм» (продолжавшаяся до середины XVII в.) поставила точку на их многовековой плодотворной деятельности, позволив укрепиться аптекарям — порождению уже Нового времени. Так, например, российский культуролог-медиевист А.Я. Гуревич (1924—2006), видел в охоте на ведьм, прежде всего, борьбу новой «книжной» культуры образованных слоёв с традиционной народной, частью которой и было ведовство (знахарство, целительство) [1].

На заре Нового времени появляются и фармакопеи в узком смысле этого слова — сборники рецептов, устанавливающие дозировки и состав лекарств. Однако «первый принцип магического мышления» или утверждение «подобное лечи подобным» сохраняется ещё долго и в частности до сих пор реализуется в гомеопатии [2, с.10]. «Магическая медицина... была... этапом развития медицины» [3, с.48].

Памятником средневековой медицины и фармации является «Салернский кодекс здоровья» (XIV век). Салернская Школа полагала, что преобладание той или иной жидкости в организме определяет состояние здоровья и цвет лица. Так «красная жидкость» — кровь (*sanguis*) — даёт соответственно красный цвет лица у сангвиников. Основанный на народной медицине и новейших достижениях врачей города Салерно, кодекс основное внимание уделял профилактике заболеваний и тому, что сегодня называется «здоровым образом жизни»:

Если врачей не хватает, пусть будут врачами твоими
Трое: веселый характер, покой и умеренность в пище.
Руки, проснувшись, омой и глаза водою холодной,
В меру туда и сюда походи, потянись, расправляя
Члены свои, причешись ты и зубы почисти. Все это
Ум укрепляет и силу вливает в прочие члены.

Однако отдавая должное поэзии, магии и астрологии «Салернский кодекс» всё ещё не в полной мере соответствует требованиям точности, а ведь, по словам Парацельса (*Paracelsus*, 1493—1541), яд от лекарства отличает только дозировка. С течением времени

аптекарями все большее внимание уделяется точному описанию препаратов и оценке последствий их приёма. По мере того как появляется общеевропейский рынок медикаментов появляется и потребность в унификации правил изготовления лекарств и в нормах, регулирующих деятельность аптек. Лекарственное сырьё превращается в рыночный товар и поставляется даже в Россию [4, с.89]. Прежде всего, в городах - центрах ремесленного производства вещей и лекарств — вместо устаревших трактатов Галена (Galenus, 129 или 131 год — около 200 или 217 года), Авиценны (Avicenna, Ибн-Сина, 980—1037), «Салернского кодекса» с XVI века стали появляться рецептурные справочники нового типа. Эти справочники всё чаще называются «фармакопея».

Тем не менее, ещё долго фармакопеи включали препараты, которые рекомендовала традиционная, «галеновская» медицина. Эти наборы рецептов уже не удовлетворяли многих врачей, рекомендующих новые средства, прежде всего химические, а не растительные. Новые фармакопеи, основанные на работах Парацельса и ориентирующиеся на препараты химического происхождения, появляются в Европе к началу XVII века.

В России, где вплоть до XVII века аптекари были только привозными, привычки милой старины сохранялись в неприкосновенности и разного рода лечебными травами и зельями торговали свободно, в разного рода «москательных» и «зелейных» лавках, что в Москве привело к появлению целого Зелейного ряда. Именно там народонаселение получало лекарства, однако открываются и «настоящие» аптеки. Первая аптека в Москве для царя и его окружения появилась в 1581, вторая для «людей всяких чинов» попозже, в 1672 году [4, с.88]. Аптеки контролировал Аптекарский приказ (1620 г.). «Новая аптека» пользовалась популярностью — за один год (с сентября 1681 по сентябрь 1682) её доход составил 4106 рублей [5, с.8].

В это время начинают готовить и своих собственных специалистов — прежде всего для нужд армии. Начиная со второй половины XVII века, каждый русский полк имел своего лекаря. Для их подготовки в 1654 году при Аптекарском приказе была открыта школа. В то же время подготовка фармацевтов носила ремесленный характер — то есть премудрости профессии аптекарь постигал на практике. Аптекарские ученики кроме прочего обучались в специальных «аптекарских огородах». Эти огороды в XVII столетии были настоящими учебными центрами для обучения «прикладному зельеварению». При огородах находились «алхимики», «дестилляторы» и садовники с соответствующей подготовкой [5, с. 8]. В эту же эпоху в русском языке появляется слово «аптекарь», что в соответствии со словарем Даля было синонимом слов «зельник, снадобщик» [6].

Если в столице и окрестностях государство ещё пыталось привести фармакопею к некому общему знаменателю — организовывало Аптечный приказ, обустроивало специальные огороды и «коктории» (лаборатории), — то на территории прочей необъятной России аптекарей по-прежнему заменяли травники, шептуны да ворожеи.

Хотя всегда существовала некоторая путаница и зачастую объединяли «знахарей и ворожбитов, знахарок и ворожей с чародеями, то есть с колдуньями и колдунами» на деле между ними «в деревенском быту» имелась всем понятная разница — колдуны скрываются от людей и окутывают «своё ремесло» непроницаемой тайной, а знахари применяющие заговоры для лечения «работают в открытую и без креста и молитвы не приступают к делу...» [7, с.106—107]. В провинциальной России, в Сибири в частности, как в сельской местности, так и в городе негласное «перераспределение» лечебных функций между медициной официальной (врачами, фельдшерами) и традиционной (знахарями) существовало вплоть до конца XX века [8].

Простой народ издавна предпочитал обращаться к народным «лечцам», которым больше доверял, да и оплата их труда была куда ниже оплаты докторских услуг. Сложилось своего рода распределение обязанностей: «дохтур совет свой даёт и приказывает, а сам тому не искусен, а лекарь прикладывает и лекарством лечит, а обтекарь у этих обоих повар...» [4, с.88]. Собственно к кому обращаться выбирать обычно и не приходилось, у «людей всяких чинов» традиционно выбор был не велик. По крайней мере, так было до той поры, пока на состояние аптекарского дела в России не обратил внимания Пётр I, Великий (1672—1725).

Поводом для репрессий, а потом и реформ в аптечном деле стал несчастный случай при лечении одного из родовитейших московских бояр Петра Салтыкова. Следствие выяснило, что заболев, боярин действовал привычным способом — направил слугу за зельем покрепче. В Зелёном ряду дворовый человек получил медицинскую консультацию и нужное лекарство. Но по недостатку времени верный слуга не стал затягивать курс лечения и выдал болящему всё полученное зелье сразу. В состав зелья входил популярный уже тогда опий [9, с.88]. Организм боярина не вынес передозировки, и Салтыков скоропостижно скончался, подтвердив на практике мудрость Парацельса. Этот случай вызвал живой интерес среди пока ещё живых бояр, после расследования дворовый человек Алексей Каменский был сурово наказан, но всем стало понятно, что аптечному делу в России пора меняться. Реформы последовали.

Проявляя личную заинтересованность в сохранении бояр и прочих граждан, Пётр I сам составляет инструкции для аптек, выписывает их Голландии образцы аптекарской посуды [9, с.89]. В 1701 году великий государь издаёт указы о запрете торговать лекарственным зельем в Зелёном ряду и об открытии для подобной торговли восьми вольных аптек. После этого и были открыты две первые в России частные аптеки. Первую из них возглавил алхимист Аптекарского приказа Иоганн Готфрид Грегориус (Грегори), вторую Даниила Гурчин. В грамоте выданной последнему говорилось, что ему надлежит «для народной пользы в царствующем великом граде Москве» открыть аптеку «обыкновением окрестных государств» [9, с.88].

Считается, что до знаменательного указа у Даниила Алексеевича Гурчина уже была «вольная» (то есть негосударственная) аптека и немалые привилегии. В одном из сохранившихся рецептов 1699 года Гурчин именует себя «аптекарем его царского величества».

«Царский аптекарь» Гурчин был личностью незаурядной. Кроме банальной продажи готовых лекарств он пытался организовать завод по производству аптечной посуды, занимался изготовлением новых снадобий — в том числе «популярного в то время» *Confectio Alkermes*, на досуге писал стихи.

Известен он и как автор ряда «фармакопей» и «фармакопедий». К этому времени в России существует большое количество фармацевтической литературы различных наименований. Так врач и библиограф Л.Ф. Змеев (1832—1901) обнаружил не менее 186 врачебных рукописных травников («зельников»), вертоградов («цветников»), лечебников и фармакопей. «Эти цифры не соответствуют действительному числу рукописей, — по новым данным их было значительно больше...» [5, с. 7]. Учитывая количество подобной литературы, следует полагать, что в России в петровскую эпоху уже не только переводили западные «фармакопеи», но и начинали писать собственные. Из «многих сочинений» Гурчина наиболее известны «Аптека обозовая...» (1708) и «Аптека домовая...» (1708). «Лечебники Гурчина были популярными медицинскими руководствами в России первой половины XVIII века» [5, с. 13].

Судя по всему издавать свои «медицинские руководства» Гурчин начал, как только обзавёлся своей аптекой, этому могла способствовать и дружба с архиепископом Афанасием (Холмогорским), в соавторстве с которым была составлена рукописная «Фармакопея». Епископу Холмогорскому и Важскому покровительствовал государь Пётр Алексеевич, а сам архиепископ Афанасий (1641—1702) был плодовитым писателем, написавшим

кроме прочего «Реестр дохтурских наук», — некоторые рецепты из этого «реестра», преимущественно различных водок, до сих пор встречаются в кулинарных книгах.

В Отделе редких книг Тульской областной универсальной библиотеке (ТОУНБ) есть уникальная рукопись позволяющая получить как более полное представление о деятельности первых на Руси аптекарей, так и об особенностях фармакопеи в нашей отдельно взятой стране. Это список «Аптеки обозовой...» Д.А. Гурчина, но датой издания первоисточника обозначен 1700 год, а ряд особенностей текста позволяет предположить, что рукопись была сделана с другой, несохранившейся книги со сходным названием [10].

Полностью фармакопея Гурчина известна под названием «Аптека обозовая или служивая, собранная вкратце с разных книг аптекарских на пользу служивого чина людей и их коней, которою егда лекаря нет, могут сами себе помощи дать во всяких своих и конских немощах». Считается, что это «популярное руководство» для «нужд медико-санитарной службы» российской армии [5, с. 13].

Рукопись из тульской библиотеки имеет следующее заглавие: «Выписано из книги Типикона», ниже «яже зовётся устав», далее в одной строке «печатана в Москве 1700 году» и далее — «Аптечка обозная или служивая». Это — рукописная книга, сшитая из листов бумаги сложенных пополам и прошитых, переплёт плотного картона с остатками шнуровки. Шмуцтитул содержит словарь из греческих слов («по-гречески» — 12 слов с переводом) и ниже текст пословицы — «пьяной выпится, а дурак никогда». На заднем форзаце (нахзац) — следы чертёжной разметки в виде кругов и полукружий и вырезанный из плотной бумаги круг неправильной формы. Вписанная в круг шестнадцати лучевая звезда с отверстием в центре и цифры от 1 до 16 позволяют предположить, что это аналог портативных солнечных часов, имевших хождение в конце XVII — первой половине XVIII веков. Всего 28 листов с текстом. Текст выполнен скорописью с использованием букв старославянской и гражданской азбук, чернилами разного цвета одной рукой.

Русский полууставный шрифт употреблялся в церковных и гражданских печатных книгах до 1708 года. В 1708—1710 году Петром I была проведена реформа, упразднившая некоторые буквы и надстрочные знаки. В тексте рукописи «Я» используется наряду с упразднённым «малым юсом», применяются надстрочные знаки («титло»). Свободно используются и арабские цифры.

Таким образом, временем составления рукописи следует считать первую четверть XVIII века, — скорее всего уже после орфографической реформы и появления гражданской азбуки. Своеобразие названия тульского «Типикона-Аптечки» вероятно связано с

тем, что два разнородных текста оказались в одном издании. Стоящее в самом начале наименование «Типикон» обозначает богослужебную книгу и к фармакопеям не имеет никакого отношения, вероятнее всего так обозначалась одна из двух книг, объединённых одним переплётом. Последнее печатное издание «Типикона» было сделано в 1695 году и, учитывая стоимость печатной продукции (Евангелие напрестольное в московской типографии в 1694 году печаталось с января по август и обошлось в 1784 рублей), новый богослужебный устав вполне мог оказаться в одном комплекте с другой актуальной книгой. Обращает на себя внимание и то, что эта другая книга гипотетического издания 1700 года, послужившего источником тульской рукописи, называется «Аптечка обозная...», в то время как известное издание 1708 года обозначена как «Аптека обозовая...». Вариативность названий позволяет предположить и вариативность содержания.

В самом деле, даже если учитывать произвольный отбор рецептов автором-составителем рукописи, характер этих рецептов меньше всего связан с «нуждами медико-санитарной службы армии». Среди описаний всевозможных снадобий здесь есть «От боленья сердечного», и такой после которого «Волосы чёрны будут», и тот что «Зрение острым делает». Есть рецепты «От бородавок» и «От почесухи» и «От кашля». Среди более экзотических есть описание способа, как «Отучить пьяницу от вина» и что делать «Аще хочешь познати верность жены своей». Трудно представить медико-санитарную службу любой армии, чьими насущными нуждами является крашение волос в «радикальный чёрный» цвет или выявление неверных жён. В целом и почесуха с кашлем, склонность к запоям или наличие бородавок не кажутся специфическими армейскими проблемами.

Вероятнее всего слово «обозная» в данном контексте означало «походная» а предназначалось это издание для служилых дворян, которые преимущественно служили царю и отечеству в составе армии или гвардии, но могли иметь и другие, вполне человеческие, а не только «медико-санитарные» нужды. В этом контексте представляется что «Аптечка обозная» мало чем отличалась от «Аптеки домовой» (или наряду с последней изначально была частью одного общего текста).

«Фармакопедия или Аптека домовая» содержала описания всех лекарств, которые «обретались» в это время в аптеках, а кроме прочего сообщала о «составлении различных водок», о «строении благовонных духов» а также и о «составлении пластырей или мастик». Известна и «Аптека домовая большая которою всяк человек егда лекаря нет может помощь дать не токмо себе но и всякой скотине во всяких немощах...». Тульская рукописная «Аптечка обозная...» по-видимому, является достаточно близким аналогом выше-

перечисленных «Аптек» и может служить обобщённым примером русских фармакопей начала XVIII столетия.

Таким образом, «Аптечка обозная», этот передвижной компендиум знаний по новейшим достижениям фармакологии для практических нужд человека петровской эпохи, позволяет получить представление и о стационарных аптеках первой четверти осемнадцатого столетия. Что представляется ещё более интересным, на основании тульской рукописи мы можем получить некоторое представление и о личности самого автора-составителя — человека бурной эпохи, который в печатной книге с двойным названием для поиска ответов на насущные вопросы штудировал не «Типикон яже зовётся устав», но «Аптечку обозную».

Составителем конспекта «Аптечки...» по-видимому, был молодой дворянин, получивший образование за границей или у немецких учителей (об этом говорит встречающееся использование на письме «N» вместо «H», уверенное пользование арабскими цифрами). Анализ выписанных рецептов, позволяет предположить частое использование «Аптечки...» (вымарывание одних рецептов и дополнение других) и составить представление о личности автора на основании сделанных предпочтений.

Из вынесенной уже на форзац поговорки некоторым образом оправдывающей пьянство, следует, что автор был во многом солидарен с известным утверждением «Руси есть веселие пити...». Среди рецептов «Аптечки» есть некоторые объясняющие как можно пить, не хмелея или как «От пьянства скоро отрезвить». В последнем случае рекомендуются «кисель ржаной, рассол огуречный...». Обращает на себя внимание и окончательное решение вопроса — рецепт позволяющий «Отучить пьяницу от вина». Здесь предлагается «вложить» в вино некоторое количество рыбы двух видов а «когда подохнут вынуть и вино процедить, и дать, сколько хочет и так ему омерзает, что никогда не будет вина пить». Личный интерес автора-составителя к рецептам ограничивающим потребление спиртных напитков подтверждает сделанное на полях, напротив последнего рецепта, примечание — «не опробовано».

Кажется, автор был не чужд традиционному «русскому веселию» и не торопился раз и навсегда покончить с возможностью «вина пить». Да и не мудрено — многие рецепты из «Аптечки» предусматривали употребление спиртосодержащих жидкостей (так «Для голосу» рекомендовалось «пить с вином масло гвоздишное») или прямо рекомендовали вино в качестве лекарства. Как говаривал Пётр I открывая аптеки: «Понеже без вина и пиwa лекарства хоть и давать, но в том пользы мало бывает, а лекарствам токмо утрата» [11].

По всей вероятности в это время склонность к чрезмерному размышлению считалось большей пагубой, нежели склонность к чрезмерному употреблению алкоголя. Во всяком случае, в «Аптечке» есть два рецепта от «мнения» и «рассуждение» о том, что «частое о чём и разное помышление человеку полное здравие вреждает». В том случае, когда человек «какое дело, взявши в голове, зело о том мыслит с возмущением здравия», рекомендовалось, прежде всего «всячески веселится, чем ни есть, или музыкою или разговорами» а кроме этого «в рюмке рейнского или пива дать на тоще сердце...».

О том, что автор-составитель был молод, говорят рецепты, связанные с заботой о собственной внешности или позволяющие выбрать жену, гарантировать её плодovitость и быть уверенным в её верности. Так, например, обеспечить чёрный цвет волос предлагалось с помощью сала «ворона чёрного» а для «человеческого вежества» следовало ходить в баню только после обеда — тогда человек «лутче тучен будет». Как будто идеалом мужской красоты в начале восемнадцатого столетия был тёмноволосый, плотного сложения человек хорошо и модно одетый — в «Аптечке» есть рецепты позволяющие «с платья пятна выгнать» или защитить его от моли («чтоб моль не пожрала» нужно было использовать «сок оливны»).

С женщинами всё было сложнее и в обращении с женским полом часто приходилось использовать редкие и дорогостоящие средства. Так чтобы отличить «порченую девку» от целомудренной необходим был «камень агатес» (вложение в драгоценности обещало быть оправданным, поскольку тот же камень помогал роженицам и «утолял подагру»). «Магнит-камень» был верным средством «познати верность жены своей» (а если его же истолчённым положить на сковороду «дивные дела покажутся»). На случай если с верностью жены всё обстояло благополучно «Аптечка» содержала два рецепта: «К зачатию» и «Для плода детей».

Однако не следует считать молодого человека повесой — как видно из выше приведённого женщины его интересовали в матримониальных целях. Несколько рецептов на тему «Как чернила делать» позволяют предположить в авторе-составителе скорее человека нечуждого учёным занятиям. Во всяком случае, ему приходилось много писать, и даже способность «законспектировать» печатную книгу говорит о его, редкой для начала восемнадцатого века, грамотности.

Не чужда была молодому дворянину и «хозяйственная жилка». Среди старательно выписанных рецептов есть и направленные на увеличение яйценоскости кур. Судя по тому, что внимание уделялось курам, а не крупнорогатому скоту, поместье нашего дворяни-

на было не из богатых. Вообще он кажется довольно близким к простому народу — в тульской «Аптечке» есть рецепты снадобий от мышей, блох и от «угрызенья бешеной собаки». Такие напасти могли угрожать, прежде всего, людям простым и незнатным, передвигающимся пешком по улицам с собаками и живущим поблизости от живности с блохами. О некоторой близости к народной среде говорят и выписанные поговорки и пословицы. Собственно даже в выборе образчиков «народного фольклора» просматривается своеобразное художественное оправдание бедности:

Конный пешему не товарищ
Богатый убогому не сравнителен
У обиженного и смысл тупится
А у удовольствованного и разум острится
Потому он нужды не знает
Что убогого нищета сдает
Ибо злоба с ненавистью плотно сплелися
А дружба с любовью от них прочь удалися
Мирное обхождение было б любовно
То бо есть доброе дело и богоугодно

Конечно, любые предположения о личности этого безвестного дворянина пока остаются гипотетическими. Можно допустить, что автор-составитель интересовался фольклором исключительно в научных целях и был вовсе не мелкопоместным дворянином со скромными интересами, а имел, например, отношение к семье князей Долгоруковых. В силу чего «Аптечка...» впоследствии и оказалась в библиотеке князя М.Р. Долгорукова (1841—1916) — коллежского советника, уездного предводителя дворянства Богородицкого уезда Тульской губернии.

Тем не менее, о состоянии аптечного дела в России в описываемое время можно сделать ряд выводов. Прежде всего, кажется очевидным, что вопреки отнесению рукописи к «фармакопеям» тульская «Аптечка» меньше всего похожа на справочник, определяющий точный состав лекарственных средств и изготовленных из них препаратов. В отличие от общеевропейских тенденций, ведущих к унификации аптечного дела, это не столько справочник для аптекарей, сколько практическое руководство с помощью которого «всяк человек егда лекаря нет может помощь дать не токмо себе но и всякой скотине». Более того, не вполне отвечает «Аптечка» и духу нового времени в соответствии с которым «па-

рацельсовская» медицина должна заменить «галеновскую», «книжная» культура образованных слоёв должна прийти на смену традиционным верованиям, наука на смену магии.

Тульская «Аптечка» говорит например, о том, как использовать «камень-магнит» для определения верности жены. Это вполне соответствует традиционным представлениям о его силе — способность магнита притягивать железо давала основание использовать его в любовной магии. Также и свойства «камня агатеса» (агата) имели к медицине очень опосредованное отношение, приобретая значение преимущественно для носителей «магического сознания». Рецепты, рекомендуемые «От отравы и яда» пить «единорогов рог» а для остроты зрения «сало змеиное в глаза пушать» были вызваны к жизни не новейшими достижениями науки, но традиционными представлениями о способности единорога рогом очищать отравленную воду или о гипнотической силе взгляда змей. Зависимость чёрного цвета волос от сала «ворона чёрного» вряд ли соответствует научным представлениям, но вполне в духе средневекового мышления.

Соединение в «Аптечке» рецептов tinkтур и сиропов, «конфет» и «алкермеса» с описаниями магических приёмов и мантики не противоречило медицине как таковой. Но «магия отражала коллективные представления и в этом смысле магическая медицина была более народной (т. е. более всеобщей), чем эмпирической...» [3, с. 52].

Таким образом, на основе анализа «Аптечки» можно сделать общий вывод о том, что в первой четверти XVIII века в России не было резкого противопоставления «книжной» и традиционной культур. Русская культурная среда петровской эпохи, породившая рукописную «Аптечку» в которой латинские буквы соседствовали со старославянскими юсами и новыми «гражданскими» буквами, со всей очевидностью была сложным сочетанием старого и нового, заимствованного у «окрестных государств» и воспринятого из самой гущи народной среды.

Только в 1789 году в России был издан Аптекарский устав. Кроме прочего в уставе было чётко прописано, что к управлению аптекой допускается только специалист с фармацевтическим званием. Надзор за исполнением устава осуществляла Медицинская коллегия, ее представители обязаны были проводить систематические проверки [12, с. 125—129].

Время прикладного зельеварения на дому и в обозе прошло. Теперь аптекари не имели права лечить больных, самостоятельно выписывать им лекарства, не говоря уже о том, чтобы поощрять страждущих автономно изготавливать снадобья «не токмо себе, но и всякой скотине» при помощи «фармакопедий» и «аптечек» на все случаи жизни. Фармакопеи как рецептурные сборники предназначены теперь только для проверенных специа-

листов, а фармация и аптечное дело в России переходят на новый этап. Своеобразным памятником незаурядному аптекарю Гурчину остались «Наставление народу в рассуждении его здоровья» (Тиссо С.А., 1781), «Краткое наставление о лечении болезней простыми средствами» (Каменецкий О.К., 1811) и прочие «наставления» для «всяких человек» в обстоятельствах «егда лекаря нет», издававшиеся, по меньшей мере, до второй половины XX века [13].

Список литературы

1. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
2. Штигеле А. Гомеопатическое лекарствоведение. М., 1994.
3. Сточик А.М. Избранные лекции по курсу истории медицины и культурологии. Авп. 2. М., 1992.
4. Лисицин Ю.П. История медицины: Учебник. М., 2011.
5. Зархин И.Б. Очерки из истории Отечественной фармации XVIII — и первой половины XIX века. М., 1956.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1863—1866.
7. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. [Впервые издана в 1903]
8. Ермакова Е.Е. Сибирская заговорная традиция (конец XX — начало XXI вв.). Тюмень, 2005.
9. Орешников А. Аптекарская посуда времени Петра Великого // Старые годы. 1908. Февр.
10. Аптечка обозная, или служивая: выписано из книги Типикона, яже зовется Устав. Печатана в Москве в 1700 году: [список с печат. изд. Типикон, си есть изображение чина церковнаго, яже зовется Устав]. 1700. ОРК ТОУНБ.
11. Голиков Ю.П., Грекова Т.И. Дела аптечные // Медицинский Петербург. СПб., 2001. Биомедицинский журнал Medline.ru [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.medline.ru/public/histm/medmono/100/6.phtml> (доступен на 28.11.2014 г.).
12. Коротеева Н.Н. Аптечное дело в России в XVIII — начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 2.
13. Воробьев И.И. Домашний лечебник (Советы крестьянам о том, как бороться с болезнями) / Под ред. Н.А. Семашко. 3-е изд. М., 1929. 159 с.